

Не дожидаясь отклика Клейна, устремивший пристальный взор в глубину усыпальницы Азик продолжал:

– До сих пор помню, как воскрес после первой своей смерти. Я лежал в блёкло-белесом гробу и, шатаясь, поднялся на ноги. Мне было жутко, совершенно непонятно, что происходит. И где нахожусь, я тоже не знал. Не дав церковникам успеть забрать моё тело для обряда очищения, я сбежал, поплёлся, как странствующий дух. Я пробежал по лугам и пастбищам, деревням, городам. Я не мог вспомнить, кто я, откуда я.

И куда бы я тогда ни подался, везде мне слышались рыдания на все лады. Глядя, как священники справляют обряды над массовыми захоронениями, я чувствовал, как из каждого уголка веет скорбью. А позже случилось так, что я спас одну знатную даму и приехал к ней в поместье. Она барышня умненькая, жизнерадостная, а я был как дикий зверь из джунглей. Я был ранимый, подозрительный, склонный к самоуничтожению, всего боялся, и часто внешне показывал свою хладнокровную, равнодушную, жестокую сторону, не сообразующуюся с человеческой моралью.

Она ко мне отнеслась с любознательностью. Как бы я её ни избегал, какие ужасные вещи бы ни делал, она ко мне приближалась и заражала меня своей улыбкой. Эдакими интересными уловками она на меня воздействовала, и сам того не заметив, я привык к её розыгрышам, к её присутствию. Мы втайне сблизились. Она очень беспокоилась, что её отец не согласится выдать её за бывшего бродягу, ныне слугу.

Видя печальную улыбку моей дамы, я впервые почувствовал, как кровь у меня живо побежала по жилам. Я резко и решительно заявил даме, что уезжаю, а вернусь уже с аристократическим титулом и венком для невесты. Я вступил в ряды армии, стал рыцарем. Воздев трёхметровое копьё, бросался в бой с врагами. Благодаря хаосу на заре Четвёртой эпохи на Северном континенте, я стал бароном и получил себе в пользование феодальное владение. Я выполнил обещание, и с грамотой от короля, подтверждающей получение титула, с фамильным гербом, наградным кордоном рыцаря и собственноручно сплетённым венком, я женился на своей невесте.

Азик рассказал это, и выражение лица его постепенно смягчилось, словно он поддался силе воспоминаний. И сам не замечал, как в улыбке приподнялись уголки его губ.

У Клейна от этих слов ёкнуло сердце, словно он встретился с тем, прежним, знакомым мистером Азиком.

– И что же произошло потом? – осторожно вёл беседу Клейн.

Азик, глядя вперёд, поведал:

- Позже... позже мы построили на наших владениях замок. Родился у нас ребёнок, мальчик. Он очень быстро рос, и мне уже было ясно, что вырастет он высоким и крепким. Он очень любил поединки, часто бегал туда-сюда с тесаком наперевес и заявлял, что хочет быть рыцарем.

Я думал, это просто ребячья болтовня, и ничего серьёзного из этого не последует. Но даже когда он ломал ногу или получал удар в голову, он не бросал своих занятий. Он думал, я его не увижу, если он прячется в своей комнате и залечивает рану. Хе-хе, недооценивал малец своего отца. Всё духи моих владений втайне мне подчинялись и служили.

Шёл за годом год. Я восстанавливал всё больше и больше воспоминаний. Жена моя частенько ворчала, что в замке слишком холодно и темно, и ей хочется куда-то, где тепло, где светит солнце. Я выполнил её просьбу, но только много позже понял, что это не в замке ей не нравилось, она боялась происходящих со мной перемен. Боялась она того меня, холодного и равнодушного, что становился чужим.

Она мне ничего такого никогда не говорила, проводила со мной время, как прежде. Мы славно отдохнули у моря на юге, и даже подумывали завести второго ребёнка, но, к сожалению, ничего у нас не получилось. И только тогда, когда я почувал, что приближается моя следующая смерть, я вернулся в свои владения, в свой замок.

Мой сын, этот мальчишка, сказал мне, что хочет отправиться в Бэклэнд, чтобы стать там служителем у виконтов или графов, и начать свой рыцарский путь. Я его спросил, почему это он так решил, ведь ему всего лишь десять с небольшим. Он мне ответил, что я всегда был его кумиром и примером для подражания. Сын мой желал стать знатным через рыцарство, как я, не прибегая к помощи родителей.

К тому моменту я уже восстановил большинство своих воспоминаний. В присутствии этого ребёнка я всегда чувствовал себя немного неловко, не в своей тарелке, как будто чужим. Но услышав его ответ, я всё-таки ощутил неописуемую радость, удовлетворение и гордость. Это был мой сын, совершенно другой, чем те дети, что были у меня когда-то в Баламской Империи.

Клейн знал, что мистер Азик рассказывает о той своей личности, что звалась бароном Ламудом I. А того ребёнка, которым он был так доволен и горд, насмерть отравили то ли в среднем возрасте, то ли в пожилом. Забили гвоздями гроб, и даже череп забрал Инс Зангвилл.

Взор Азика на мгновения устремился куда-то, затерявшись в воспоминаниях.

- Я умер снова и пробудился как в дурмане. По наитию покинул свои владения и последовал прежней своей установке: идти хоть куда-то, но прочь. В каждом воплощении у меня начиналась новая жизнь. То я встречу любовь всей жизни, то обрету очаровательнейшую дочь. Эта любовь, беспомощность, довольство – всё меня обескураживало, повергало в недоумение, ставило в тупик снова и снова, пока я постепенно восстанавливал свои воспоминания.

Был как-то раз, когда я был добропорядочным, любящим своих родителей сыном. Я вселял в

своих родителей гордость, я обеспечил им прекрасную жизнь, подарил очаровательных внуков и внучек. Но когда я "пробудился" и нашёл себя, то припомнил, что в прошлом своём воплощении хладнокровно наблюдал, как сын их погиб на поле боя, и захватил его личность. С одной стороны, я чувствовал боль и вину, а с другой, что это всё ничтожное, пустяковое что-то. Сердце моё в самой глубине словно расщепилось надвое.

Тогда была у меня маска, позволявшая мне преображаться в кого угодно, но пробудившись, я её потерял. И это, возможно, потеря была с моей стороны намеренная...

Клейн вспомнил, что мистер Азик оговаривался о дочери, что любила от него получать сладости. И немного поразмыслив, сказал:

- Я уверен, это не расщепление личности - вы просто боретесь с безумием. Потеряв память о прежней жизни, вы, начинающий жить заново, всегда добры и полны тепла, и мир ваших чувств богат. В нынешнем состоянии вы, возможно, это даже яснее осознаёте.

Это запросто можете быть вы сами, ваша собственная суть. А как Консул Смерти, вы страдаете от воздействий признака Потустороннего, что в последнее время склоняет к потере контроля. Вы страдаете от влияний некоего высокоуровневого Потустороннего пути Смерти. Слышал я, что "Он" сошёл с ума уже после Войны Четырёх Императоров.

Слова Клейна были не так уж бездоказательны, поскольку несколько воплощений Азика он знал: барона Ламуда; отца, сделавшего качели для дочки; примерного сына; добродушного, дружелюбного учителя истории.

Клейн нацелен был предоставить некую отгадку, некую вероятность помощи мистеру Азику в противоборстве с личностью Консула Смерти, что дана была ему вместе с воспоминаниями. Это позволило бы ему взглянуть внимательно в свои бывшие воплощения и тем самым достичь определённого компромисса с собой, который благодаря этому не будет слишком холодно-равнодушным.

А пока Клейн говорил, его вдруг осенила новая идея. И он, не дожидаясь, пока Азик обдумает и усвоит услышанное, поспешил спросить:

- Мистер Азик, а вы знаете о "якоре"? Божества и ангелы, чтобы обеспечить "Себе" безопасность, с помощью якорей не дают признакам Потусторонних склоняться к потере контроля и останавливают безумие, поражающее "Их" порчей и пороками.

- Да, - кивнул Азик, отведя взгляд.

Клейн был не особо уверен, но довольно твёрдо проговорил:

- Возможно, потеря памяти, повторяющаяся у вас раз за разом для перезапуска, обновления

жизни, есть не что иное как якорь, при помощи которого вы сопротивляетесь безумию и потере контроля!

Не бросай их. Не забывай их. Они – это ты! – добавил затем про себя.

– Якорь... – Повторил Азик, словно потерявшись.

Прошло неведомо сколько времени, и он вдруг вздохнул.

– В этом, может, и объяснение. По крайней мере, это уменьшает моё душевное расщепление и противоречия. Однако же, раз уж я так далеко зашёл, мне всё-таки нужно отправиться в усыпальницу, посмотреть, что там таится. Почему оно меня призывает и что заставляет меня умирать и возрождаться снова и снова, теряя при этом память, лишь для того, чтобы снова найти... Более тысячи лет мне это досаждало. Беспокоило каждое моё воплощение. Я уверен, что сегодня я получу ответ.

Взгляд Азика стал яснее, голос его звучал будто бы и мягко, но всё же где-то в глубине слышалась непередаваемая твёрдость.

Клейн хотел остановить Азика, но приоткрывал рот, да снова закрывал.

Азик чуть прижал свой полуцилиндр. Не поворачивая головы, сказал с мягкой, добродушной улыбкой:

– Не забудь закрыть глаза.

После чего пошёл вперёд по лестничным пролётам напрямик в самые глубины усыпальницы.

Повеявший чёрный туман не производил больше звуков тяжёлого дыхания. Медленно рассеялся вокруг, и оттого заметнее стало нечто свернувшееся внизу, на земле.

То был громадный пернатый змей, занявший, казалось, весь остров!

Чешуя у него была большая-пребольшая, тёмно-зелёная, почти чёрная. А из просветов между чешуйками росли перья, покрытые жёлтыми маслянистыми пятнами. И из каждого пера тянулось вовне по несколько тонких призрачных чёрных трубок.

Этот невообразимых размеров пернатый змей был разом и призрачен, и реален, и его настоящий облик был едва ли описуемый. Он был словно сложен из чего-то непостижимого для человека.

В глазницах полыхало бледно-белесое пламя; лицо было человеческое!

Кожа на этом лице была бронзово-смуглая, черты мягкие. За правым ухом виднелась крохотная чёрная родинка. То был другой Азик Эггерс!

<http://tl.rulate.ru/book/15294/2844539>